

Е. И. ВАСИЛЬЕВА

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МАХ ШАРАФ-ХАНУМ КУРДИСТАНИ—КУРДСКОЙ ПОЭТЕССЫ И ИСТОРИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В XIX столетии в Арделане (Иранский Курдистан), одном из крупнейших центров консолидации курдского этноса, наблюдается невиданный доселе расцвет поэзии и историографии. Возникает школа местных историков, которую представляет целый ряд авторов. В поэтических антологиях встречаются имена многочисленных поэтов и живших и творивших в это время. Среди курдских поэтов и историографов первой половины XIX в. особое внимание привлекает Мах Шараф-ханум Курдистани, известная под литературным псевдонимом Мастуре (перс. «спрятанная, стыдливая, целомудрейшая») — единственная насколько нам известно на Ближнем и Среднем Востоке женщина-историк до конца XIX столетия.

Наибольшую известность Мастуре получила как автор изящных, отмеченных тонким вкусом, мастерством и истинным талантом поэтических произведений: касыд, газелей, кит'а, руба'и, элегий и маснави. Диван ее стихов насчитывал, по свидетельству автора «Хадики-йи Насирийе» Мирза 'Али Акбар-хана, около двадцати тысяч бейтов¹, на фарси и на гуранийском наречии курдского языка. Персидские стихи Мастуре собраны и изданы в 1926 г. курдским ученым и «попечителем просвещения в Курдистане» Хаджжи Шайх Иахйей Ма'рифатом под названием «Диван-и Мах Шараф Курдистани мутахаллис ба Мастуре» — «Диван (стихов) Мах Шараф-ханум Курдистани, (известной) под литературным псевдонимом Мастуре». Принадлежавшая перу Мах Шараф-ханум «Хроника Арделана» («Тарих-и Ардалан») увидела свет лишь через двадцать лет, в начале 1946 г. Издание осуществил по единственной рукописи, которую удалось получить с большим трудом и после долгих поисков, курдский ученый Насир Азадпур. По сведениям, которыми располагал издатель хроники, Мастуре является автором еще одного сочинения, о верованиях и шарiate, однако найти эту рукопись ему не удалось².

Издания стихов и хроники Мاستуре содержат небольшие (на 2—3 страницы) предисловия Йахьи Ма'рифата и Насира Азадпура, в которых сообщаются самые краткие сведения об авторе и ее сочинениях. Эту информацию существенно дополняет изучение хроники Мастуре. Исследование текста «Тарих-и Ардалан» позволяет проследить (зачастую со значительной долей гипотетичности) основные вехи жизни поэтессы, обрисовать хотя бы в общих чертах характеры близких ей людей: деда, отца, мужа, двоюродного брата.

Мах Шараф-ханум Курдистани, по сведениям Насира Азадпура, родилась в столице Арделанского княжества городе Сенендедже в 1220/1805—06 г.³ в правление своего будущего свекра, грозного и властолюбивого Аманаллах-хана (1214/1799—800—1240/1824—25), отца Хусрав-хана Накама (1240/1824—25—1250/1834—35). Могущество правящего дома Бани Ардалан, чьи владения в XII—XV вв. простирались на весь Юго-Восточный Курдистан, к тому времени было подорвано в значительной степени. Однако Аманаллах-хан весьма преуспел в централизации ханской власти, с помощью самых суровых мер по пресечению сепаратистских тенденций и выступлений арделанской знати и глав племен. По словам очевидцев, он занимал положение почти королевское и был независим в полном смысле этого слова⁴. Таким образом, ко времени рождения Мастуре и в первые десятилетия ее жизни Арделанское княжество и его глава играли весьма заметную роль в стремительном развитии событий в Восточном и Южном Курдистане, который стал центром освободительной борьбы курдов.

Мах Шараф-ханум знатного происхождения. В ней соединились линии двух могущественных родов Сенендеджского Курдистана—рода потомственных везиров со стороны матери и семейства Кадири с отцовской стороны. Родственники Мастуре по материнской линии играли видную роль в борьбе за власть в Арделане, то активно поддерживая князей из дома Бани Ардалан, то не менее активно выступая против них с оружием в руках. Семейство Кадири, судя по тексту хроники, проявляло большую лояльность к арделанским правителям, и члены этой семьи неизменно занимали видные должности при дворе. Весьма незаурядной личностью представляется дед Мастуре по отцу—Мухаммад-ага, проживавший достаточно долгую, насыщенную кипучей деятельностью и бурными событиями жизнь и занимавший, по-видимому, около полувека должность назира Курдистана при четырех арделанских князьях. Обязанности назира (перс. «смотрителя, надзирателя») предполагали, по всей видимости, прежде всего охрану общественного порядка и поддержание спокойствия как внутри

княжества, так и на его границах. Это не мешало Мухаммад-ага самому принимать участие в заговорах и межкоалиционной борьбе арделанской знати за власть.

На страницах хроники Мастуре Мухаммад-ага впервые упоминается при описании событий начала 80-х гг. XVIII столетия. Он входил в ближайшее окружение Хусрав-хана Бани Ардалана (правил с перерывами с 1170/1756—57 по 1205/1790—91 гг.), участвовал в военных походах князя, исполняя при этом еще важные поручения при каджарском дворе. Блистательные победы, одержанные Хусрав-ханом над правителем Керман-шахана Аллах-Кули-ханом и над Исма'ил-ханом и Джа'фар-ханом Зендами, способствовали быстрому обогащению Мухаммад-ага за счет военных трофеев и добычи. «Говорят,—рассказывает Мастуре,— (моему) благородному деду выпали на долю несметные (богатства) из награбленного тем войском»⁵.

Мухаммад-ага сохранил свое положение и звание назира Курдистана и в правление преемников Хусрав-хана: Лутф 'Али-хана (1205/1790—91—1209/1794—95), его сына Хасан 'Али-хана (1209/1794—95—1214/1799—800) и сына Хусрав-хана, Аманаллах-хана и неизменно до глубокой старости оставался в гуще событий, потрясавших эту сравнительно небольшую область Иранского Курдистана. При этом сам Мухаммад-ага и все семейство Кадири продолжали интенсивно богатеть. К началу XIX в. он настолько усилился, что примкнул к группировке арделанской знати, которая в начале правления Аманаллах-хана стремилась ограничить княжескую власть. В наказание Аманаллах-хан «на несколько дней отвратил от него милостивый взор, ...взыскал с него пять тысяч туманов, но через восемнадцать дней снова назначил его на пост назира и отметил почетным халатом, и вознесся тот выше, чем прежде»⁶.

Хитрому и коварному Аманаллах-хану, по-видимому, выгоднее было иметь в лице Мухаммад-ага влиятельного сторонника. Поэтому, не отказывая себе в удовольствии оштрафовать его на крупную сумму, Аманаллах-хан «простил» провинившегося и взял в свой гарем его дочерей, теток Мастуре, гарантируя тем самым дальнейшую покорность Мухаммад-ага своему зятю. После этих событий Мухаммад-ага стал исполнителем особо ответственных поручений хана, требующих дипломатического и военного талантов: ездил в Тегеран ко двору шаха, подавлял восстание в Бане, за что был «вознесен и отмечен среди равных».

До конца правления Аманаллах-хана и в первый год власти Хусров-хана Накама Мухаммад-ага оставался при княжеском дворе, сохраняя высокое положение и пользуясь большим влиянием. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал принимать активное участие в военных походах. Однако богатства и могу-

124

шество Мухаммад-ага не давали покоя молодому князю Хусрав-хану, будущему мужу Мастуре. Все члены семьи Кадири неожиданно были подвергнуты опале, аресту и оштрафованы на-gridцать тысяч туманов⁷. На одной и той же странице хроники Мастуре дважды упоминает о «разладе в делах» ее деда и отца, но, более подробно останавливаясь на этих событиях двумя страницами ниже, среди потерпевших называет «отца сочинительницы (хроники) Абу-л-Хасан-бека и еще братьев отца и племянников»⁸. Дед Мастуре Мухаммад-ага при этом не упоминается. Не указан он и в числе родственников сочинительницы, которые были освобождены и снова снискали княжескую милость. Такое умолчание нельзя считать случайностью и объяснять одной забывчивостью автора. Можно предполагать, что Мухаммад-ага, подобно своим сыновьям и внукам, после ареста, закованный в кандалы и подвергнутый всевозможным мучениям и пыткам, не вынес перенесенного унижения и скончался в тюрьме. И Мастуре, по всей вероятности, вначале, имевшая намерение упомянуть о дальнейшей судьбе своего деда, предпочла умолчать. Решающую роль при этом могло сыграть ее положение вдовы Хусрав-хана в то время, когда писались эти строки, нежелание чернить память о покойном муже.

Абу-л-Хасан-бек, отец Мастуре, заметно отличался наклонностями и характером от своего воинственного родителя. По-видимому, интеллектуальные занятия его интересовали гораздо более, нежели дела ратные. В особенности охотно, по словам Мастуре, он занимался воспитанием детей и самое большое внимание уделял обучению и воспитанию своего первенца—Мах Шараф, которая была, без сомнения, предметом его гордости и самой горячей любви. «После того, как из материнского чрева,—рассказывает Мастуре,—милостью всевышнего бога... я утвердилась под опекой отцовского воспитания, ...с помощью той звезды апогея просвещения и светила небосвода разума, что питал естественную любовь и настоящую страсть к воспитанию детей—... в особенности (это касается) меня, (поскольку я была) первой розой в том цветнике и первенцем-побегом той лужайки—рука моя познакомилась с пером, а глаза прозрели (для прочтения) написанного»⁹.

Абу-л-Хасан-бек выполнял обязанности наставника при сыне Аманаллах-хана Хусайн-Кули-хане, который приходился ему по сестре родным племянником. Иногда Абу-л-Хасан-бек оставался в столице княжества заместителем (наибом) хана, например, в 1234/1818—19 г., когда старший княжеский отпрыск взбунтовался и осадил Сенендедж. Арест Абу-л-Хасан-бека, его отца, братьев и племянников по приказу Хусрав-хана, о чем упоминалось выше, имел место, по-видимому, в 1241/1825—26 г., поскольку это событие автор хроники связывает со смещением брата правящего

князя—Хусайн-Кули-хана с поста правителя Исфандабада, что имело место через год после прихода Хусрав-хана к власти¹⁰. С Хусайн-Кули-ханом, рассчитывая на его недовольство Хусрав-ханом, попыталась сговориться группа арделанской знати, примкнувшая во время русско-иранской войны к русскому войску. Враги Хусайн-Кули-хана тотчас доложили об этом князю и, поскольку семье Кадири «приписали (владение) наличными деньгами и сокрытыми ценностями, а его благородие Хусайн-Кули хан к тому же приходился (моему) отцу племянником, его высочеством валием (Хусрав-ханом) было дано указание втянуть в (ту) историю и (моего) отца, чтобы под тем предлогом все, что у них хранится в тайниках, забрать»¹¹.

«Дознание» поручили воспитаннику Абу-л-Хасан-бек Хусайн-Кули-хану и в случае благоприятного исхода Хусрав-хан обещал ему управление Исфандабадом. Хусайн-Кули-хан, будучи свидетелем того, как жестоко Хусрав-хан обошелся с другими братьями¹², исправно выполнил поручение. Пригласив к себе под предлогом болезни племянника Абу-л-Хасан-бека, он устроил перед людьми князя, спрятанными за занавесом, целый спектакль. Ничего не подозревавший отец Мастуре за два часа беседы, видимо, что-то сказал о своих тайниках и спрятанных там богатствах. На следующий же день произошел арест, и родственники Мастуре были посажены в тюрьму.

Можно представить, сколько страха и беспокойства перенесла двадцатилетняя девушка за судьбу своих близких. Возможно, ее мольбы, красота¹³ и красноречие не оставили равнодушным молодого князя. Отца Мастуре, его братьев и племянников освободили, пожаловали «различными милостями», а Мах Шараф стала женой Хусрав-хана. О судьбе отца после освобождения из-под ареста Мастуре ничего не сообщает. Можно лишь заключить, что к 1262/1845—46 г., когда было закончено написание хроники, Абу-л-Хасан-бека в живых не было, поскольку на страницах книги он неоднократно именуется покойным.

Мастуре стараниями своего родителя получила воспитание несколько иное, нежели большинство женщин ее круга. В знатной курдской среде основное внимание уделялось умению женщины петь национальные песни, танцевать, искусству верховой езды, различным рукоделиям и, лишь в последнюю очередь, письму. Курдские женщины, какое бы высокое положение они не занимали, великолепно ездил верхом, «не боясь при этом перешеголять мужчин»¹⁴. Абу-л-Хасан-бек, по-видимому, уделил основное внимание интеллектуальному развитию дочери. Успеху содействовали «естественный интерес» и «врожденное желание изучать книги»¹⁵, присущие одаренной девочке. Жадно вслушивалась она в предания, в легенды, посвященные «благим и счастливым деяниям»

предков. Более всего Мастуре заинтересовала поэзия—«диваны (стихов) древних» и записи давних хронистов, история собственного народа и «достоверные сведения о Курдистане». Абу-л-Хасан-бек не ограничивал пылкий ум дочери лишь прочтением книг, они вместе осматривали старинные курдские крепости, могущественные цитадели арделанских князей, разрушенные стараниями турецких и иранских властителей¹⁶.

По мере ознакомления с хрониками и историческими сочинениями у Мастуре крепло желание самой когда-либо взяться за описание исторических судеб Арделанского Курдистана: «Изучая и делая записи, убедилась я, что положение правителей вилайета Курдистана изъяснено и описано. /Но/, хотя /рас/сказано обстоятельно, однако, по той причине, что от того остались /лишь/ краткие /сведения/, /история Курдистана/ оставалась непросверленной жемчужиной»¹⁷. Внутреннюю потребность, «необходимость завершить подробное изложение /прежних историков/» Мастуре осознала после того, как стала женой Хусрав-хана Бани Ардалана—«украсила стан /своих/ дарований убранством родства с той высокой династией, а гордые плечи и грудь—нарядом соединения с тем прославленным семейством»¹⁸.

Мастуре вышла замуж, по всей вероятности, в конце 1241/1825—26 или в начале 1242/1826—27 гг. Освободив членов семьи Кадири из-под ареста Хусрав-хан взял старшую дочь Абу-л-Хасан-бека в свой гарем, закрепив этой женитьбой примирение Бани Ардаланов с одним из могущественных родов Арделана. Женившись на Мастуре, Хусрав-хан вел себя при этом точно так, как двадцать лет тому назад его отец Аманаллах-хан, который прежде, чем взять в свой гарем дочерей Мухаммад-ага, подверг будущего тестя немилости и крупному штрафу.

Действия Хусрав-хана легко объяснимы элементарным самодурством и деспотизмом, но, по нашему мнению, могла существовать и иная, более тонкая подоплека событий—настораживает роль, отведенная в этой истории Хусрав-ханом своему сводному брату Хусайн-Кули-хану. Воспитанник и племянник Абу-л-Хасан-бека, двоюродный брат Мастуре Хусайн-Кули-хан тоже отличался литературным дарованием и был ее ровесником. Возможно, именно ему прочил в жены свою горячо любимую дочь Абу-л-Хасан-бек, поскольку двоюродные брат и сестра по курдским обычаям считались подходящей брачной парой. Мастуре уделила судьбе Хусайн-Кули-хана достаточно внимания в своей хронике, последние дни своей жизни провела в его доме в Сулеймании и пережила Хусайн-Кули-хана не более, чем на месяц. Быть может, в юности их связывали чувства более нежные, нежели родственные, и именно поэтому расчетливый Хусрав-хан заставил Хусайн-Кули-хана предать своего наставника и дядю, а

вместе с ним и Мастуре. Однако такое предположение носит чисто умозрительный характер и не подтверждается ни одним конкретным свидетельством хроники.

Хусрав-хан наследовал своему отцу Аманаллах-хану в 1240/1824—25 г. в возрасте около двадцати лет. С 1235/1819—20 г. он был женат на каджарской принцессе—дочери Фатх 'Али-шаха Каджара Хусн Джихан-ханум¹⁹. От Хусн Джихан у Хусрав-хана, согласно «Тарих-и Ардалан», было трое сыновей и трое дочерей. Царевна Хусн Джихан-ханум оставалась старшей женой арде-ланского князя, и Мастуре до последней страницы своей книги упоминает о ней с неизменным почтением, сохраняя разделявшую их по положению дистанцию. Однако Мастуре, по-видимому, не была несчастлива в браке, хотя детей у нее не было. Хусрав-хан несомненно выделял дочь Абу-л-Хасан-бека среди своих жен и оказывал ей предпочтение. По ее словам, она была «вознесена до должности везира эндеруна»—«министра» женской половины дома и именно ей принадлежала честь делить ложе с тем «благородным» и она «была удостоена общения с ним днем и ночью»²⁰. Однако, хотя Мастуре пользовалась особой любовью Хусрав-хана, он, по-видимому, не оставлял без внимания и других обитательниц гарема—ревнивые нотки часто звучат в стихах поэтессы.

Лирика Мастуре позволяет заглянуть в интимнейший мир ее чувств и переживаний. Стихи ее, как тончайший инструмент, передают все переливы ее настроений. И доминирующая тема поэзии Мастуре—любовь. В качестве образца ее любовной лирики приведем перевод одного из лучших, на наш взгляд, ее стихотворений, которое условно (по рефрену) можно назвать «Сегодня ночью»²¹:

От свечи твоего появления в жилище моего сердца светло сегодня ночью,
Ликут ангелы от блеска моего пиршества сегодня ночью;

От ланит (твоих), стана и писаного лица охвачена я страстью—

Ты сказал бы, исполнение обетов нарцисса и (стройной, как тополь) лилии
сегодня ночью;

Своим Аврангу (подобным) завитком (волос) ты напомнил гребню розу.
Мир будто наполнился мускусом и ладаном сегодня ночью;

Рассыпанные в честь его прихода монеты положила я на ладонь,
Потому что в жилище (моей) души обитает сегодня то солнце—Он

сегодня ночью;

Хвала богу, благодаря лучам твоего солнцу (подобного) лица

Для меня развалины сердца внушают зависть тихому переулку сегодня ночью;

Когда при его прибытии разбрасывали деньги, положила я монетку

на ладонь (на счастье)

Потому что для того солнца жилищем служит обитель души моей

сегодня ночью;

Не требуй от меня теперь тонкости изъяснения,

От радости соединения с Ним—любимым перо моей натуры хромает

сегодня ночью;

Удивительнее (всего), что возлюбленный у тебя, Мастуре, в объятиях,

Почему же от крови сердца подол твой вызывает зависть розового сада

сегодня ночью?

Мастуре оставалась любимой женой князя вплоть до его преждевременной кончины 2-го раби' ал-аввала 1250/9 июля 1834 г. Он умер от болезни печени в возрасте около тридцати лет, за что получил прозвище Накам (перс. «не достигший желаний», «не насладившийся жизнью»). Мастуре была безутешна в своем горе, которое она излила в многочисленных стихах и элегии на смерть Хусрав-хана.

Новому арделанскому князю Риза-Кули-хану, старшему сыну Хусрав-хана и кадjarской царевны, было всего одиннадцать лет, и фактически бразды правления безраздельно забрала в свои руки Хусн Джихан—двадцать первая дочь Фатх 'Али-шаха от его сорок третьей жены. В Арделане она получила известности под именем Валийе-ханум («Госпожи правительницы») или Валийе. Около семи лет оставалась она повелительницей Сенендеджского Курдистана, пока сын не подрос. Умер венценосный родитель правительницы, и в 1257/1841 г. молодой князь добился от «обители царствования» своего назначения «правителем и полновластным владетелем» Арделана²².

Отстраненная от власти Валийе всячески старалась очернить сына в глазах «столпов державы», прибегая к интригам, подкупу и клевете, пока в 1263/1847 г. стараниями матери тот не оказался в тюрьме. Правителем Арделана назначили грузина Хусрав-хана, прославившегося жестокостью еще в бытность губернатором Гиляна и Исфагана²³.

Такова канва основных событий 1834—1847 гг. Как в это время складывалась судьба Мастуре? Хроника на этот счет не содержит ни малейшего намека или указания. Мастуре ни словом не обмолвилась о своей жизни вплоть до упоминания об отъезде в Бабан. О Валийе она отзывается с неизменным уважением, отдавая должное ее уму, проницательности и искушенности в делах. Единственный раз Мастуре позволяет себе назвать действия Валийе интригами, т. е. так, как они того заслуживали в действительности. О Риза-Кули-хане тоже рассказано с большим тактом, даже с попытками оправдать молодого князя, нередко терявшего над собой управление. Лишь в одном месте Мастуре, по видимому, не в силах удержаться, рассказывая, как обманутый Хусрав-ханом Гурджи Риза-Кули-хан оказывается в Тегеране под

арестом, она восклицает: «Во-истину, и не стыдно льву за (свой высокий) род!»²⁴.

Однако при более внимательном прочтении этих страниц хроники можно почувствовать незаметную на первый взгляд сдержанность автора, отсутствие обычных в таких случаях благопожеланий в адрес Валие и Риза-Кули-хана. В хронике отсутствует перечисление их «достоинств и добродетелей», графаретный, но обязательный список которых сопровождает описание правления почти всех арделанских властителей прошлого. Чувствуется, что Мастуре не симпатизирует ни Риза-Кули-хану, ни его родительнице, ни их ожесточенной грызне из-за власти.

Положение Мастуре в этот период времени в какой-то степени помогает представить одно ее стихотворение, написанное явно после смерти мужа и до отъезда в Бабан:

Я женщина, что избрана главой в царстве целомудрия,
Из племени затворниц в (наш) век нет мне равной;
Под чадрой у нас голова, достойная короны,
Однако что (от того за) польза, если коловратная [судьба] так меня

принизил;

...(Ваша покорная) служанка лишена всего (и стоит) у порога вилайета²⁵.

В стихотворении не обычные, характерные для персоязычной поэзии и историографии жалобы и сетования на не знающий страдания рок, хотя «коловратная судьба» упоминается. Мастуре унижена и лишена всего конкретными людьми, которые поставили ее «у порога вилайета». И поступили так с нею не кто иные, как Валие и пасынок Мастуре Риза-Кули-хан.

Мастуре, по-видимому, оставалась жить при княжеском дворе. Во всяком случае, когда по приказу шаха Хусрав-хан Гурджи схватил Риза-Кули-хана и отослал в Тегеран, а княжеские обозы и домочадцы «знатными людьми Арделанского вилайета» были отправлены в Мариван, Мастуре тоже находилась среди тех беженцев, насчитывавших тысячу человек²⁶. Беглецы держали путь через Авроман в Сулейманию, столицу Бабанского княжества, которое переживало последние годы своего существования. Именно там, у своих извечных соперников Бабанов, рассчитывали члены княжеской семьи найти надежное укрытие и пристанище. «Шли, отчаявшись в жизни» и таким трудным путем, «что пролетит там орел небесный, (и) у него бы осыпались перья, а пройди там быстрый месяц (с) небосвода, и тот бы упал в самую преисподнюю»²⁷.

Беженцев расселили по деревням Шахризура, Мастуре же нашла пристанище в доме своего двоюродного брата Хусайн-Кули-хана, который выехал в Сулейманию задолго до этих собы-

тий и «проживал там при полном почете»²⁸. Наконец, казалось бы, Мастуре после приниженности и обездоленности тяжкого существования бездетной вдовы при княжеском дворе обрела душевную теплоту, участие и понимание близкого ей человека, после трудных скитаний—желанный покой и возможность продолжить написание своей хроники. Но благополучие оказалось недолгим—вскоре после непродолжительной болезни скончался друг и покровитель Мастуре Хусайн-Кули-хан. Через несколько дней слегла и Мастуре. Недомогание затянулось, и в мухарраме 1264/декабре 1847 г./ на сорок четвертом лунном году жизни, или в возрасте сорока двух солнечных лет Мастуре скончалась. Похоронена Мах Шараф-ханум на кладбище Гирди Сайван²⁹, где покоится прах большинства известных курдских поэтов XIX столетия.

Рукописи трудов Мастуре не были собраны ни при ее жизни, ни после ее кончины. К тому времени, когда Иахья Ма'рифат, изучая творчество курдских поэтов-классиков, познакомился с несколькими стихами Мастуре, ее имя, по его словам, было мало кому известно в Курдистане. Иахья Ма'рифат был поражен изысканностью и красотой стихов, и это побудило его заняться поисками биографических данных об авторе и сбором произведений. Иахье Ма'рифату принадлежит честь быть первооткрывателем поэтического наследия Мастуре. «Насколько (это) было в моих силах, я возродил имя этой курдской поэтессы и присоединил к (другим) прославленным (именам)»,—пишет курдский ученый. Личность Мастуре, ее произведения вызвали изумленное восхищение современников Иахьи Ма'рифата. «Около ста лет назад...»,—писал автор послесловия к изданию Дивана Абу-л-Бака Мутамади Курдистани;—когда грамотность женщин воспринималась за большой грех, появление чуткой, выдающейся женщины—такой, как Мастуре—переполненной чувством прекрасного, с талантом и светлым умом, следует считать чудом»³⁰.

Мах Шараф-ханум и сама сознавала собственную исключительность. В газели, перевод отрывка из которой приведен нами выше, поэтесса называет себя гордостью своего времени. «Из племени затворниц»,—пишет Мастуре,—в (наш) век нет мне равных». Мах Шараф-ханум и в хронике чужд самоуничижительный тон, характерный для персидских историографов. Этой женщине присуще врожденное чувство собственного достоинства, которое не смогли растоптать все пережитые ею горести и невзгоды.

Имя Мах Шараф-ханум Курдистани по праву занимает достойное место среди имен прославленных поэтов и хронистов, украшающих историю курдского народа. И огромная заслуга в том, что ее творчество не стало «жертвой бренности» и «не было предано забвению», принадлежит курдским ученым и просветителям

Ե. Ի. ՎԱՍԻԼԵՎԱ

**XIX Դ. ԱՌԱՋԻՆ ԿԵՍԻ ՔՈՒՐԴ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒՀԻ ԵՎ ՊԱՏՄԱՐԱՆ
ՄԱՀ ՇԱՐԱՖ ԽԱՆՈՒՄ ՔՈՒՐԴԻՍՏԱՆԻ ԿՅԱՆՔԻ ԵՎ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ**

Ա մ փ ո փ ու մ

XIX դարում, քրդական էթնոսի կոնսոլիդացման հիմնական կենտրոններից մեկում՝ Արդալանում, դիտվում է պոեզիայի և պատմագրության աննախադեպ ծաղկում: Այդ ժամանակաշրջանի քուրդ բանաստեղծների և պատմաբանների մեջ հատկապես ուշադրություն է գրավում Մահ Շարաֆ Խանում Քուրդիստանին, որը հայտնի է Մասթուրե բանաստեղծական ժառանգությամբ:

Հոդվածում հանգամանորեն քննարկվում են Մասթուրեի՝ XIX դարի ամբողջ Մերձավոր Արևելքի միակ կին բանաստեղծի ու պատմաբանի կյանքի և ստեղծագործության հարցերը:

ПРИМЕЧАНИЯ

1. حاديقه ناصريه. История Курдистана (т. е. владений Арделан) Мирзы Али Акбар хана „Векайе-негара“, рукопись ЛО ИВ АН СССР (1335/1917 г. из собрания В. Ф. Минорского), л. 299.
2. „Тарих-и Ардалан“ (تاريخ نويسی) شاعره وج قاريغ نويسی) نامدار كردستان، چايغانه بطرامی [6. г.]
3. Там же, с.
4. Malcolm J., Histoire de la Perse, t. III, P., 1821, p. 302; Kinneir J. M., A geographical memoir of the Persian empire. L., 1813, p. 143,
5. «Тарих-и Ардалан», с. 140.
6. Там же, с. 154.
7. Там же, с. 176.
8. Там же, с. 178.
9. Там же, с. 2.
10. Там же, с. 176.
11. Там же, с. 178.
12. Там же, с. ب.

13. Риза-Кули-хан «Хидайят». Маджма' ал-фусаха, т. II, Тегеран, 1295/1878, с. 456.
14. Никитин В. Курды, М., 1964, с. 168, 170.
15. «Тарих-и Ардалан», с. 2.
16. Мастуре упоминает, например, об осмотре крепости Паланган. См. «Тарих-и Ардалан», с.
17. Там же, с. 2—3.
18. Там же, с. 3.
19. Там же, с.
20. Там же, с. 180.
21. «Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани» (ديوان ماء شرف خانم كردستان) [6. г.]
چ. ۱۰ (متخلیة به مستوره تهران)
22. «Тарих-и Ардалан», с. 187.
23. ۱۳۲۲ قاریخ رحبال ایران ۱۲-۱۳-۱۴، قالیف میری بامداد تهران
т. 1, с. 479—480.
24. «Тарих-и Ардалан», с. 209.
25. «Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани», с. 55.
26. «Тарих-и Ардалан», с. 209.
27. Там же.
28. Там же, с. 210.
29. Диван-и Нали (ديوان نالی و فہرہ نگہی ذالی... نووسینی دوکتور مارف)
خمزنہ دار بغداد (۱۹۷۷) с. 361
30. «Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани», с. 105.